

Биржевые Ведомости № 129, 20 р. С.-Петербург. 1900.

Бирж.
1900.
№ 129

Волковская торжества.

9-го мая, въ первый день юбилейныхъ торжествъ состоялось чествование основателя первого русского театра въ ярославскомъ городскомъ театрѣ и парадный спектакль, на которомъ была поставлена комедія Гоголя „Ревизоръ“ въ исполненіи артистовъ Александринскаго театра. Парадный спектакль закончился во второмъ часу. Затѣмъ состоялся раутъ въ думѣ. Говорились рѣчи, читались стихи. Во время послѣдней рѣчи, какъ свидѣтельствуетъ мѣстная газета „Сѣверный Край“, „косой лучъ восходящаго солнца блеснула въ залѣ“. Оrationъ закончилась словами поэта:

„Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

Шумные аплодисменты закончили эту рѣчу“. Въ четыре часа утра гости встали изъ-за стола и сердечно благодарили радушныхъ хозяевъ за ихъ хлѣбосольное гостепримство“.

Программа третьаго дня празднествъ слѣдующая:

12 часовъ дня. Прогулка по Волгѣ на пароходахъ.

3 часа дня. Веселья гонка, организованная ярославскимъ отдѣленіемъ общества спасанія на водахъ.

8 часовъ вечера. Спектакль въ городскомъ театрѣ. Представленіе 2-й картины 3-го акта, 4-го и 5-го актовъ премы А. Н. Островскаго „Грозы“, въ исполненіи артистовъ Императорскаго московскаго Малаго театра и комедіи А. В. Сухово-Кобылина „Свадьба Кречицкаго“, въ исполненіи артистовъ Императорскаго Александринаскаго театра, при участіи заслуженной артистки московскаго Малаго театра Н. В. Рыкаловой.

12-ть часовъ вечера. Вечеръ у ярославскаго предводителя дворянства камергера С. В. Михалкова.

Рѣчь директора Императорскихъ театровъ о значеніи сценическаго искусства.

Въ торжественномъ 10 мая въсѣданіи ярославской губернскай ученою архивной комиссіи, посвященномъ чествованію памяти основателя русскаго театра Волкова, князь С. М. Волконскій произнесъ слѣдующую рѣчу.

„Считаю своимъ первымъ долгомъ,—разъ на мою долю выпадаетъ лестная обязанность говорить отъ имени театровъ,—считаю долгомъ поблагодарить нашего любезнаго хозяина и господъ устроителей настоящаго торжества за то почетное участіе, къ которому мы, дѣятели на поприщѣ театрального искусства, приглашены въ сегодняшнемъ празднике русскаго самосознанія. Немало юбилеевъ справляли мы за послѣдніе годы: наше время, увы, багаче воспоминаніями, чѣмъ дѣйствительностью, и при бѣдности современной жизни мы съ тѣмъ болѣй ревностно оберегаемъ завѣщанное изъ прошлаго, съ тѣмъ большими уваженіемъ вспоминаемъ имена завѣщателей.

Багацій чредой смѣялись на нашихъ глазахъ юбилейный торжества полководцевъ, ученыхъ, писателей, поэтовъ, художниковъ. Всегда въ этихъ торжествахъ видное мѣсто принадлежало те-

атральному искусству во всѣхъ его проявленіяхъ: музыка декламація, хореографія содѣствовали блеску и интересу программы праздника; но, можетъ быть, въ первый разъ, именно сегодня, наше искусство является не украшеніемъ только, а самою сущностью торжества. Во всѣхъ другихъ случаяхъ участіе театра въ празднике было какъ бы побочное; не будь театра въ Россіи—другое юбилеи могли бы обойтись и безъ него; нынѣшний юбилей безъ театра не имѣлъ бы ни возможности, ни причины состояться. Всякій изъ здѣсь присутствующихъ дѣятелей на сценическомъ поприще можетъ, не погрѣша противъ скромности, сказать себѣ: сегодняшній праздникъ на нашей улицѣ, мы празднуемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—насъ празднуютъ. И мы глубоко тронуты тѣмъ широкимъ, почти всероссийскимъ характеромъ, который сообщился настоящему торжеству, благодаря гостепримному призыва жителей этого города и отзывчивости другихъ горожанъ.

Впрочемъ, не могло и быть иначе. Сегодняшній праздникъ не могъ не найти отклика въ сердцахъ; всякий, кто понимаетъ важность сознательного отношенія къ окружающимъ явленіямъ, кто опущаетъ потребность привести себѣ въ ясность тѣ разнообразныя формы, въ которыхъ вливается перемѣнчивый потокъ нашей жизни, не можетъ не интересоваться театромъ. Всякій живой человѣкъ, любящій искусство, долженъ любить театръ, потому что театръ—самое живое изъ всѣхъ искусствъ.

Съ младенческаго возраста человѣчество одержимо потребностью изображать окружающую природу и себя, изображать себя, какимъ оно есть, или какимъ бы оно желало быть. Изъ дерева, изъ камня, изъ металла, изъ всего, что ни попадеть подъ руку, еще дикарь-человѣкъ уже вырывается, высѣкаетъ, лѣпить. Еще дикарь, а онъ уже слагаетъ сказанія, сочиняетъ пѣсни—и разсказываетъ ли поетъ о томъ, что было или могло бы быть; даже о томъ что никогда не могло бытъ. И вотъ рядомъ съ природой—дѣломъ рукъ Божіихъ, встаетъ искусство—дѣломъ рукъ человѣческихъ, рядомъ съ настѣнной жизнью—другая жизнь, рядомъ съ дѣйствительностью—вымыселъ. Въ это области вымысла дѣйствительная жизнь отражается и изображается не полностью, а только съ большей или меньшей степенью сходства, смотря по специальными средствамъ того или другого искусства. Каждое искусство въ этомъ отношеніи имѣть свои преимущества недостатки. Живописецъ изображаетъ видимую поверхность предметовъ, но не можетъ изобразить ихъ объема: то, что въ природѣ имѣеть три измѣренія, имѣеть двѣ измѣренія на картинѣ. Ваятель изображаетъ предметы въ полномъ объемѣ, зато ему недоступно изображеніе пространства въ такой мѣрѣ, какъ живописцу. И живопись, и ваяніе способны изобразить лишь одинъ какой-нибудь моментъ, представляютъ предметы какъ бы навсегда описанѣми въ одномъ положеніи и не способны изобразить развитіе дѣйствія; писатель даетъ изображеніе жизни въ ея послѣдовательномъ развитіи, зато его картина развертывается предъ читателемъ только постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ читаетъ, тогда какъ картина

живописца предстаетъ предъ зрителемъ сразу. Словомъ,—въ каждомъ искусстве изображеніе дѣйствительности является какимъ-нибудь недохватомъ, и только одно искусство способно дать изображеніе жизни во всей сїя полнотѣ, это—искусство драматическое: какъ живопись, оно воспроизводить видимость предметовъ, какъ скульптура, оно воспроизводить объемъ видимыхъ предметовъ, какъ литература, оно передаетъ дѣйствіе, болѣе того,—оно воспроизводить дѣйствіе въ его послѣдовательности, предлагая зрителю постепенно развивающуюся картину, проникнутую движениемъ и оживленную рѣчью.

Театральное искусство—самое живое, потому что въ немъ жизнь отражается съ наибольшей полнотой. Оно самое живое, кроме того, по своему матеріадѣ:

въ то время—какъ матеріаѣ другихъ изобразительныхъ искусствъ—краски, камень, дерево, вообще мертвое вещество, матеріаѣ драматического искусства—живой человѣкъ, цѣликомъ, его плоть и кровь, его живая рѣчъ, весь аппаратъ его страстей, чувствъ. Оно самое живое и потому, что, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ искусствахъ художникъ и его произведеніе существуютъ раздѣльно другъ отъ друга, въ сценическомъ искусствахъ они слиты воедино; живописецъ существуетъ отдельно отъ своей картины: онъ можетъ уйти, картина останется; актеръ и изображаемое имъ лицо—нераздѣльны: актеръ ушелъ со сцены, ушло и изображаемое лицо. Этой нераздѣльностью художника и его произведенію объясняется сила, съ кою дѣйствуетъ искусство, но имъ же обусловливается и недолговѣчность впечатлѣнія: отъ всякаго художника что-нибудь остается, отъ актера остается одно воспоминаніе у современниковъ его. Наконецъ, еще причина, почему драматическое искусство самое живое: въ живописи занято наше зрѣніе, въ музыкѣ—слухъ, въ поэзіи—умъ, въ театрѣ заняты и зрѣніе, и слухъ, и умъ,—мы участвуемъ въ драматическомъ искусстве всей полнотою нашей природой духовной.

Такимъ образомъ, независимо даже отъ того, что по своему содержанію оно полно другихъ искусствъ, а прямо по существу своему, въ силу тѣхъ особенностей, которыми оно отличается отъ другихъ искусствъ, драматическое искусство самое живое изъ всѣхъ. А если оно самое живое и самое полное, а съ другой стороны наша духовная природа участвуетъ въ немъ съ наибольшей полнотой, то мы должны признать, что степень совершенства и содержательность театрального искусства въ той или другой странѣ составляютъ одинъ изъ показателей духовной жизнеспособности народа, а интересъ, который народъ выражаетъ къ вопросамъ театра, и серьезность запросовъ, которые онъ къ театру предъявляетъ,—одинъ изъ показателей его культуры способности. Вотъ почему привѣтствуемъ сегодняшнее торжество. Когда вспомнимъ, что какихъ-нибудь дѣйствія лѣтъ тому назадъ театръ еще считался грѣховнымъ дѣломъ и клеймился, какъ бѣсовское игрище, когда вспомнимъ, что какихъ-нибудь дѣйствія писатель даетъ изображеніе жизни въ ея послѣдовательномъ развитіи, зато его

картина развертывается предъ читателемъ только постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ читаетъ, тогда какъ картина живописца предстаетъ предъ зрителемъ сразу. Словомъ,—въ каждомъ искусстве изображеніе дѣйствительности является какимъ-нибудь недохватомъ, и только одно искусство способно дать изображеніе жизни во всей сїя полнотѣ, это—искусство драматическое: какъ живопись, оно воспроизводить видимость предметовъ, какъ скульптура, оно воспроизводить объемъ видимыхъ предметовъ, какъ литература, оно передаетъ дѣйствіе, болѣе того,—оно воспроизводить дѣйствіе въ его послѣдовательности, предлагая зрителю постепенно развивающуюся картину, проникнутую движениемъ и оживленную рѣчью.

Честившему свой мундиръ, лишаюся знаковъ отличия, заслуженныхъ на государственной службѣ, мы поймемъ весь внутренний, духовный, человѣческий смыслъ сегодняшняго всенароднаго чествованія деятелей русскаго театра и этимъ чествованіемъ мы обязаны Ярославлю.

Въ роаданной намъ сегодня биографіи Волкова читаемъ, что ярославцы приглашались въ волковскій амбаръ посмотретьъ нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до того времени въ Ярославль нѣвиданное.

Нынѣ ярославцы приглашаютъ настѣнѣ посмотретьъ нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до того времени въ России нѣвиданное.

Юбилейные торжества имѣютъ значеніе въ томъ смыслѣ, что они отмѣчаютъ моменты въ развитіи общественнаго самосознанія. Какъ путникъ, идущій длинною дорогой, развлекаясь быстрой сѣмью чередующихся впечатлѣній, вдругъ услышитъ дальний звонъ вечерняго колокола, останавливается, озирается, смотритъ, откуда онъ дѣшель, вспоминаетъ, откуда вышелъ, думаетъ о томъ, куда ему и сколько осталось идти,—такъ по колѣнія людей: рождаются, подростаютъ, собирая пожитки своихъ духовныхъ способностей и силъ, отправляются въ тяжелый жизненный путь,—каждый въ свою сторону, каждый для себя, занятый сѣмью чередующихся событий. И вдругъ „Глаголь временъ“ неумолимымъ звономъ возвѣщаетъ, что протекло столѣтіе; по колѣнія современниковъ останавливаются, озираются, люди на время бросаются въ стѣ и спрашиваютъ себя: „Гдѣ мы, откуда вышли, куда идемъ?“ Откуда мы вышли, мы, адѣсь собравшіеся? Отсюда, изъ Ярославля, изъ этой колыбели, къ которой притекли съ нашей земли. Гдѣ мы? до чѣго дошли? Увидимъ сегодня вечеромъ и въ слѣдующіе вечера: лучшія силы родного намъ искусства покажутъ намъ, до чѣго мы дошли, и думаю, что тѣни Волкова, Гоголя, Грибоѣдова и Островскаго не смутиятся; не смутиится и сердце маститаго писателя, который для береговъ отчизны дальней покинулъ край чужой, чтобы своимъ присутствіемъ украсить наше собраніе. Онъ увидитъ свое дѣтище, валелъяное съ любовью въ надежныхъ, опытныхъ рукахъ.

Куда идемъ? Будущее всегда подернуто мракомъ, но неисповѣдимы глубины его озаряютъ свѣтомъ надежды, когда прошлое свѣтло; а наше прошлое полно явлений, внушающихъ силу и крѣпость для продолженія работы.

Первое столѣтіе русскаго театра совпало съ самой блестящей порой русской сцены: искусство, которое въ стольѣтіе времени свершило путь отъ Волкова до Шепкиныхъ, Мочаловыхъ, Садовскихъ, обладаетъ сильными задатками бодрости и здоровья.

Не дадимъ же этимъ задаткамъ зачахнуть, поставимъ ихъ въ условія, благоприятныя для ихъ развитія; всякое дѣяніе въ этомъ направлении будетъ обеспечено будущаго, данью уваженія прошлому и вѣчнымъ вкладомъ въ духовный памятникъ того скромнаго, но великаго мужа, котораго мы чествуемъ сегодня».

Единодушными, долго несмолкавшими аплодисментами поблагодарили собравшіеся смотрители.